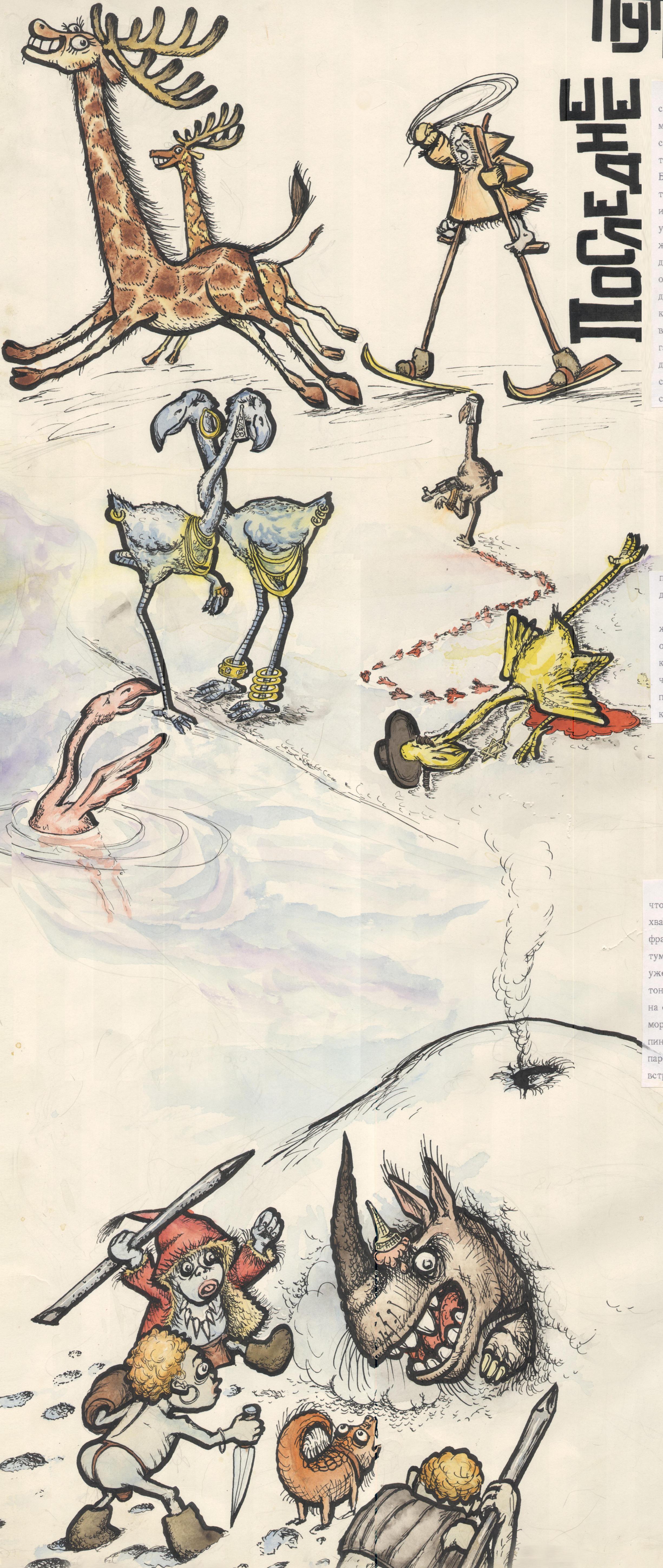

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

"Паруса, конечно, надо вернуть. Тем более, что Франческе на платьишко этого все равно не хватит," - при воспоминании об необыкненных французских просторах взор боцмана вновь затуманился. "Надо бы поспешить, хозяин и так уже вторую неделю не в духе, упаси святой Антоний, чтобы меня так ломало..." - и взгляд боцмана стал кристально чист. Восставший из пепла морской демон поднялся, дал юнге дружеского пинка, и побрёл в посёлок к Франческе отбирать парус, успевая по пути приветствовать всех встречных матерками и зубочистками.

Синьор Нарко Поло стоял на мостике, похожий на одинокого грустного и больного фламинго. Впрочем, с виду он производил скорее впечатление рослого и крепкого мужика с красивым лицом, со свисающей аккуратной бородкой и умными глазами, смотрящими всегда прямо в открытое море, где бы не находился их обладатель. В образе фламинго представляли себя сам Нарко, и временами это ему нравилось настолько, что он осторожно хихикал в кулак и воровато оглядывался. Матросы понимающие посмотревшие со стороны и не дававшие виду, дабы не обидеть бедную птицу и не сломать синьору кайф. Подготовка к отплытию шла архимеденно, жизнь возвращалась в тела членов команды неохотно. От сырого ветерка стало поламываться кости, и вообще, поламы-

вало. Нарко привычным движением извлек из складок плаща маленькую трубочку и набил её из большого красивого кисета, на котором бисером было вышиты его инициалы на девятнадцати языках (дабы сложнее было спрятать). Глядя на красиво, как поле конопли, волнующуюся морскую гладь, он сделал глубокую и вдумчивую затяжку, и фламинго внутри него радостно закрякал, предчувствуя скорую перспективу вволю полетать. Сладковатый дым окутал Нарко, и он погрузился в грязь и воспоминания. Да, ему прожившему двадцать лет в далекой и волшебной Азии было что вспомнить, а главное - он знал как можно забыться. Исколесил, обхеял и обтопал он и Иран,

и Памир, и Месопотамию и Северный и Южный Китай, где с толком и расстановкой исследовал тонкое восточное дело. Наиболее интересные истории доводилось ему слушать в небольших заведениях, где почтенные старички аскетической наружности затягивались сладковатым дымком и рассказывали такие интересные вещи, что просто дух захватывало. Прошло не так много времени, и никто лучше Нарко не знал почем фунт лиха, и где его можно купить подешевле. Особено клево было при дворе императора Хубилая, человека ученого и просвещенного, ставшего, впрочем, совершенным скотом вследствие злоупотребления своими поднебесными возможностями. У него Нарко завис надолго, всесторонне углубив своё знание о Востоке.

Не подвел он и в этот раз.
- Говори, ты, ничтожная сухопутная крыса, что ржал в ядер тебе в апендикс (у боцмана были зачатки медицинских знаний), пятьдесят интегралов тебе по кругу (боцман баловался в молодости математическим анализом), десять багов тебе в драйвер (боцман не всегда сам понимал, что говорит), где парус? - строго спросил боцман, и попытался сурово сдвинуть брови, но удалось ему двинуть только одну, правую.

- Я вчера, синьор, после того как утолили жажду на "Солнечной заднице" отправились, как обычно, к синьору Франческе, - юнга слегка покраснел - которой и подарили наш парус в качестве отреза на платьишко - ответил урок малец проянул поверженому титану оловянную кружку с крепленой мадерой.

- Молодец, славный морской окунь, пирожное тебе в пасть! - голос боцмана потягнул, и он попытался радостно поднять брови, но поднялись только левые. Со сложным выражением лица боцман принял вожделенную кружку и осушил её с приятным слуху свистом. Лекарство быстро всосалось в кровь, глаза приобрели здоровый блеск, а брови встали на место.

Нарко Поло

Окстись, Хуб, - увещевал его Нарко, - Америку-то когда ещё откроют!.. - но тот не унимался.

- Добудь, блин, я никаких бабок не пожалею, я индусов завоюю, коли надо, а ежели ты мне, правителю поднебесной не хочешь по-приятельски помочь, я с тобой вот как сделаю!.. - и он тут же показательно предстал мучительной смерти лествицы крестильной, всех разными способами. - Видал? Иди и найди мне этой серебряной пыли, император я, в конце концов, или йенг собачий!..

Такой ход событий не обрадовал Поло, и он стал потихоньку собираться в дорогу. Стянув с кухни двух оставшихся с ужина уток по-

пекински, четверть рисовой водки и корзинку с жареными кузнечиками вместо семечек, великий путешественник приторочил торбу с харчами на спину рикши рядом с тубусом для манускриптов, потом, подумав, шагнул через анестезированное тело охранника в хранилище Великого Императорского Кайфа и через минуту вышел, волоча добрый мешок этого самого кайфа. Навьючи мешок на мирно жущего рикшу, Нарко вновь вернулся в хранилище, по пути заглянув в заброшенную после былых забав пиротехническую лабораторию. Хихикая и время от времени потирая чёрные от пороха руки, шутник вскочил в Дежурную Лохань Кайфа Великого Императора добрую толику этого веселящего порошка, написал на стене неприличный иероглиф и бодро посыпал кайфом рикшу в сторону Ирана.

По возвращении Нарко стал вести скромный и непритязательный образ жизни, подрабатывая уроками восточного секса и китайской кухни, и жил так достаточно долго, настолько долго, что стала заканчиваться заветная заначка. У арабов, конечно, можно было купить всё... и их цены способны были стать поводом к новому крестовому походу. Европейские женщины его пугали, поскольку в постели производили на него впечатление труппы, а некрофилом Нарко отнюдь не был. Да тут ещё генуэзы упекли в тюрьму низачто, и в камере ломало так, что тени всех тех двухсот китайцев стояли вокруг все в слезах. После того

дня. Бывало и из астрала выведут, и из себя выведут, а потом выведут перед строем, расцеплют, одрен дадут и мартышку со своего плеча пожалуют. Душа пела!

Однако, и инь переходит в ян, и император на почве кайфа сильно изменился, стал неоправданно увеличивать дозы, ради потехи окуривать опиумом судоверфи и рынки, после чего экономика страны пришла в упадок и деньги на траву кончились. Император, конечно, всегда мог без проблем добить себе косяк, но бедные подданные... Шляться по дорогам стало небезопасно, торчать же в дымном дворце было тоскливо, да и глаза уже резали. Однако Наркову чашу терпения переполнило неожиданное и навязчивое желание окосевшего Хубилая попробовать кокайну.

Нарко твердо решил: "Я больше не сяду!" и стал намыливать лыжи обратно в Азию, надеясь что безумный император своей лыжи уже завернулся.

Нарко стоял на мостике, красиво окутанный клубами дыма и смотрел в даль. Он попытался отогнать от себя видения прошлого, но видения захихикали, приняли вид китайской, подступили ближе и стали со знанием дела шкотать его эрогенные зоны. "Перекрещусь!" - сердито подумал на них великий путешественник, и девы с сожалением отступили. "Пора..." - понял Нарко, и фламинго с горжественным криком воспарил над морской гладью. Моряки, заметив в лице капитана хорошо знакомую перемену, бросили суетиться и стали мирно играть в карты на тычках, здраво решив, что сегодня корабль уже точно никуда не отчалит.

Тем временем на дороге показалась весьма довольно собой боцман, ведущий под узды нагруженного парусами мула. У него была ощаранта щека, разбита рука и приятно ныла поясница. Руку он разбил об погонщика мула, не сразу отдавшего своего ручного зверя бравому мореману для перевозки паруса (хотя днём раньше он каким-то образом отлично управлялся с этим грузом в одиночку), а щека и поясница были следствием бурного и неоднозначного объяснения с могучей, но не слишком стойкой Франческой.

В это никто не верил, но следующий день корабль благополучно отплыл. Здраво рассудив, что экипаж должен знать всё о цели путешествия, синьор Поло быстро познакомил всю команду с источником вечного наслаждения, правда, добавляя в зелье в целях экономии то чай, то сенец, то войлок, и достигал порой довольно интересных результатов. Самым потрясающим достижением стал сам маршрут путешествия, настолько запутанный, что чудом было вообще попадание на какую-либо сушу. И потому, когда наблюдатель на мачте заорал: "Земля!", команда ответила ему дружным смехом, поскольку кричал он это почти каждый час в течении всего плавания. Однако, когда корабль вдруг остановился, уперевшись в индийский берег, балагуры приумолкли. Быстро раскачали корабль, отошли от берега, ткнувшись еще разок - точно, не глуп, самая настоящая земля.

Бледный и торжественный вышел Нарко на мостик, оглядел притихшую в недоумении толпу матросов и дрогнувшим голосом произнёс: "Приехали..." и приветственно опустил руку.

И они обрели свой счастье, жаль только, что не долгое.

Р.С. Желаем и мы Вам счастья в грядущем году, всерьёз и надолго.